

ходя из этих двух оснований, Г. приходит к формулировке сути "новой онтологии": в бытии необходимо различать формы существования и его категориальные структуры. Задача же "критической онтологии" — дать анализ категорий (как фундаментальных определений бытия) внутри каждого из слоев и вскрыть их взаимосвязи и соотношенность. Познание, следовательно, в принципе является бытийным отношением (между сущим объектом и так же сущим субъектом). В процессе познания объект остается тем же, а изменяется субъект. Проникновение субъекта в объект всегда есть прирост некоторого "познавательного образования" в познавательном соотношении. При этом предмет познания всегда выступает в этом отношении "более чем предмет" — он есть не только познанное, но и непознанное (он как объект безразличен к познанию и его возможным в данный момент границам, он бытиен). Одному миру соответствует множество картин мира. Таким образом, онтологический подход понимает познавательное отношение как бытийное, т.е. позволяет постичь его в его встроенности во взаимосвязи жизни, в его дифференцированности по "слоям" бытия. Если бы все категории предмета, по утверждению Г., одновременно были категориями познания, то не могло бы быть ничего непознаваемого. Но мы во всех областях обнаруживаем непреодолимые границы познания, т.е. "избыточные категории бытия", которые не отражаются в сознании как его категории. Граница познаваемости проводится в предмете рубежом категориальной идентичности (к познаваемости же самих категорий она не имеет никакого отношения). Отсюда программа "дифференциального категориального анализа": разделение категорий на два царства: категории как только принципы бытия и категории как "также" и принципы познания (только в математике и логике, считает Г., можно говорить о действительном тождестве категорий). При соотношении этих двух рядов категорий мы впадаем в неизбежную антиномичность. Только сознание может обладать познанием. Однако, с одной стороны, сознание должно выходить за свои пределы, поскольку оно схватывает нечто вне себя, т.е. поскольку оно познающее сознание, а с другой — сознание не может выйти за свои пределы, поскольку оно может схватывать только свои содержания, т.е. поскольку оно — познающее сознание. Коль нет тождества бытия и мышления — это противоречие в принципе представляется непреодолимым. Г. же говорит о том, что всякое категориальное изменение касается лишь познавательных, а не бытийных категорий (которые неизменны и инвариантны, суть предельны значения, к которым стремится и приближается познание). При этом "схватить" можно лишь то, что уже имеется в наличии, поэтому понятийное "оформление" категорий всегда вторично (они могут существовать и без понятийного "оформления"). Реальное же изменение категорий познания структурируется во всеобщем процессе приспособления человека к окружающему миру, протекающему на заднем плане всякого исторического прогресса познания, всякого изменения мыслительных форм и понятий, образующих его суть. К тому же процесс познания входит в более широкий процесс духовной жизни в истории, определяемый непрерывной ориентацией человека в мире как ас-

пект-приспособления. В свою очередь, приспособление понимается Г. как категориальное изменение, разворачивающееся в историческом процессе духовно-культурной жизни. Это есть процесс развития категориальной идентичности (аппарат познавательных категорий содержательно приспосабливается к состоянию бытийных категорий). Механизм реализации этого процесса следует искать в четвертом духовном "слое" бытия во взаимодействии личностного и объективного духа. Личность при этом понимается как этический феномен, конституируемый единством актов, интенционально направленных на другие личности. Объективный же дух реально, помимо индивидуальностей, не существует, но есть их всеобщая обезличенная форма — царство ценностей. Взаимодействие личностного духа с объективным, их синтез порождает "объективированный дух", фиксируемый в произведениях искусства, философии, религии, науке, технике и т.д. Постоянное трансцендирование расширяет окружающий мир, увеличивает адекватность категориальной идентичности. Познание, в конечном счете, есть не что иное, как участие в сущем, "для-нас-бытие", того, что иначе существует лишь в себе. В своем обращении к бытию оно является сознательным участием духовного бытия в себе самом, его "для-себя-бытие" (смыслы познания — проблема аксиологическая). Однако ценности не могут быть "схвачены" только познавательным отношением, они открываются прежде всего в отношениях "любви-ненависти", суть проблема этики и эстетики. В основе их постижения, согласно Г., — интуитивное "чувство ценности", эмоционально-трансцендентные акты их непосредственного и прямого "схватывания": акты воспринимающие (переживания субъекта), акты проспективные (предвосхищения субъекта: надежда, страх, беспокойство), акты спонтанные (полностью инициативны: вождление, желание, воля). Эмоционально-трансцендентальные акты (в отличие от познания) наглядно, согласно Г., подтверждают существование действительности как реального мира.

В.Л. Абушенко

ГАРТМАН (Hartman) Эдуард (1842—1906) — немецкий философ, один из представителей идейного пессимизма и иррационализма второй половины 19 в. Был вынужден отказаться от военной карьеры и занялся философией. В 1869 Г. опубликовал труд, прославивший его: "Философия бессознательного", выдержавший много изданий еще при жизни автора (десятое издание — 1890). Это главное произведение Г., хотя за ним последовало почти 30 больших и меньших сочинений. Важнейшие философские работы Г.: "Неокантианство, шопенгауэрианство, гегельянство" (1877), "Феноменология нравственного сознания" (1878), "Религиозное сознание человечества в его последовательном развитии" (1881), "Религия духа" (1882), "Эстетика" (в двух томах, 1886—1887), "Основная проблема теории познания" (1890), "Учение о категориях" (1896), "История метафизики" (в двух томах, 1899—1900), "Современная психология" (1901), "Мировоззрение современной физики" (1902), "Проблема жизни" (1906) и др. После смерти Г. была издана его "Система философии" в восьми томах. Г. писал также о спиритизме, о еврейском вопросе, о немецкой политике и т.д. Полное собрание его сочинений насчитывает около 40 томов. На формирование собственно

философских взглядов Г. существенное влияние оказали идеи Шопенгауэра и Шеллинга, которые он намеревался соединить с концепцией Гегеля. Однако если Шеллинг и Гегель при построении философских систем придавали второстепенное значение научным данным, то у Г. появляется новая черта: он стремился достичь согласованности умозрительно полученных данных с научными знаниями, добытыми индуктивным путем. Суть своей философии Г. определил как “синтез Гегеля и Шопенгауэра, с решительным преобладанием Гегеля и понятия о бессознательном, имеющегося в системе Шеллинга; абстрактные результаты этого синтеза соединены с индивидуализмом Лейбница и с современным естественнонаучным реализмом в конкретный монизм. Естественные умозрительной дедукции и полный отказ от аподиктической достоверности отличает мою философию от всех прежних рационалистических систем”. Таким образом, в основании философской системы Г. были заложены несовместимые на первый взгляд идеи Шеллинга, Гегеля, Шопенгауэра и современные ему достижения в области естественных и исторических наук. Труд Г. “Философия бессознательного” представляет собой первую попытку обобщения ранее существовавших представлений о феномене бессознательного, а также дальнейшее исследование его на основе синтеза разноплановых точек зрения рационалистического и иррационалистического толка. Такой подход к бессознательному был осуществлен Г. через призму признания его абсолютной ценности, так как бессознательное необходимо для человека и “горе тому человеку, который, преувеличивая цель сознательно-разумного и желая исключительно поддерживать его значение, насильственно подавляет Бессознательное”. Итак, по Г., основа всего сущего — это бессознательное начало. Выдвигая аргументы в пользу признания бессознательного, Г. стремится определить его непреходящую ценность. Вот эти аргументы: бессознательное формирует организм и поддерживает его жизнь; бессознательное служит цели самосохранения всякого человеческого существа (это своего рода инстинкт); благодаря половому влечению и материнской любви бессознательное служит средством не только сохранения человеческой природы, но и облагораживания ее в процессе истории развития человеческого рода; бессознательное руководит человеком в тех случаях, когда его сознание не в состоянии дать полезный совет; бессознательное способствует процессу познания и ведет людей к откровению; бессознательное является стимулом для художественного творчества и доставляет удовлетворение в созерцании прекрасного. “Сознательный разум действует отрицательно, критически, контролируя, поправляя, измеряя, сравнивая, комбинируя, упорядочивая и подчиняя, выводя общее из частного, приводя частный случай к общему правилу, но никогда он не действует производительно, творчески, никогда не изобретает. В этом отношении человек вполне зависит от бессознательного, и если он теряет бессознательное, то он теряет источник своей жизни, без которого он в сухом схематизме общего и частного будет однообразно влачить свое существование”. Признавая ценность бессознательного, Г. говорит и о тех минусах, которые свойственны этому феномену: руководствуясь им, всегда бродишь в потемках, не зная, куда оно заведет; следуя бессознательному, всегда ставишь себя в зависимость

от случая, ибо заранее неведомо, придет ли к тебе вдохновение или нет; не существует никаких критериев для выявления вдохновения через бессознательное, поскольку только результаты человеческой деятельности дают возможность судить об их ценности; в отличие от сознания, бессознательное представляется чем-то неизвестным, туманным, чуждым; сознание является верным слугой человека, в то время как бессознательное заключает в себе нечто страшное, демоническое; сознательной работой можно гордиться, а бессознательная деятельность — вроде дара богов; бессознательное всегда предуготовлено, сознание же можно изменять в зависимости от приобретенных знаний и общественных условий жизни; бессознательная деятельность приводит к результатам, не поддающимся совершенству, в то время как над результатами сознательной деятельности можно продолжать работать, улучшая и совершенствуя их; бессознательное зависит исключительно от аффектов, страстей и интересов людей, сознание руководствуется разумом, его можно ориентировать в нужном направлении. И вывод, который делает Г.: “Из этого сравнения несомненно вытекает, что для нас сознание важнее...”. Казалось бы, вывод о важном значении сознания в жизни человека приводит к мысли о необходимости овладения бессознательным и расширения сферы сознательной деятельности. Однако каждый шаг на пути к победе сознания над бессознательным расценивается Г. не как торжество человеческого разума, а как продвижение от жизни к Ничто, когда “безумный карнавал бытия” превращается в “мировую скорбь”. Таков основной вывод, вытекающий из гартмановской философии бессознательного. Вывод обосновывает важность бессознательного в жизнедеятельности каждого человека и человеческого рода, и, вместе с тем, переплетающиеся взаимосвязи между сознанием и бессознательным, которые существуют во внутреннем мире человека, но не всегда осознаются им. В том же метафизическом духе размышляет Г. и о целях развития мира и человеческого духа, о ценностях мира и жизни. Согласно Г., первоначально дух находился в состоянии покоя: существование воли и разума было обусловлено только потенциально. Однако в определенный момент времени абсолют переходит в деятельное состояние, обнаруживается. Результатом этого всего является творение мира, которое начинается с беспричинного и случайного перехода воли к жизни из потенции в акт, увлекая за собой и разум. Таким образом, возникает мир. Что такое природа, для кого светится звездное небо, какое дело нам, собственно говоря, до объективно-реальной единой природы? — ставит вопросы Г. Она совсем не касалась бы нас, если бы ее действия не побуждали дух к производству субъективного мира явлений. Все чудеса природы, которые испокон веков поэты на тысячи ладов восхваляют на всех языках, только чудеса духа, которые он сам в себе производит. Как электрическая искра происходит от прикосновения назлектризованных тел, так и жизнь духа вытекает из его взаимодействия с этой, самой по себе, безмолвной природой. Она (природа) пробуждает в духе дремлющую прометеевскую искру самосознания; она же открывает ему общение с другими духами. “Чудо природы” в том, что она, нагая, бедная содержанием, чуждая поэзии и по-видимому лишенная духовного содержания, открывает духу его бесконечное богатство

и своим давлением побуждает его (дух) к произведению субъективных миров. “Чудо природы” разрешается только в том случае, если сам дух бессознательно устроил эту гармонию внешнего механического мира с внутренним миром субъективных явлений, т.е. посредством телеологии. Познание природы есть только посредствующая умозаключаемая переходная стадия для самосознания духа, имеющая для нас цену только как средство, а не как цель. От духа к духу через природу — таков девиз, которым Г. оканчивает свой анализ природы как средства для духа. Но тогда возникает вопрос: какова цель мирового процесса? Целью процесса не может быть свобода, потому что она есть только страдательное понятие, т.е. отсутствие принуждения. Если где и искать цель мирового процесса, то это на путях развития сознания. Почему на пути сознания? Потому что именно здесь мы четко фиксируем решительный и постоянный прогресс, постепенное повышение (начиная с возникновения первичной клеточки до современного состояния человечества). Но остается еще один вопрос: сознание действительно конечная цель, т.е. цель сама по себе, или же в свою очередь она служит только другой цели? Целью само по себе сознание, разумеется, не может быть, потому что сознание, согласно мнению Г., — это страдание, в том смысле, что уже рождается оно на свет через боль, говоря о том, что через трудности и муки сознание поддерживает свое существование. Каждый новый этап в развитии сознания преисполнен и искуплен болью. И что дает оно (сознание) взамен этой боли? Пустое самоотражение? В этом смысле можно не сомневаться, что конечная цель мирового процесса, которому сознание служит средством, состоит в том, чтобы осуществить возможно большее достижимое состояние счастья, т.е. безболезненности. Итак, конечная цель мирового процесса есть отсутствие мирового страдания, зла. Но как это возможно? Учитывая, что строй мира целесообразен, то слепая воля будет в конце концов побеждена и уничтожена. Это произойдет через рост сознания. Сознание вступит в борьбу с волей и искупит бытие мира через посредство коллективного самодурбия всего человечества. Итак, через развитие сознания и умножение числа сознательных индивидуумов, в человечестве сосредоточится большая часть проявляющегося в мире духа и тогда исчезновение человечества уничтожит и весь вообще мир. Таким образом, разум должен исправить то, что испортила неразумная воля. Итак, полная победа логического над нелогическим (сознания над волей) должна совпасть, согласно Г., с временным концом мирового процесса — со светопреставлением. Иначе говоря, наш мир можно рассматривать как наилучший из возможных, но из этого еще не следует, что этот мир хорош, напротив — в нем столько зла, что его существование следует рассматривать как дело неразумной воли, и поэтому он должен быть уничтожен. Таким образом, оценка действительного бытия оказалась у Г. в конечном счете совершенно пессимистической, а его этика объявила всякое стремление людей к счастью недостижимой иллюзией. В своих поздних работах Г. неоднократно возвращался к уточнению содержательного смысла бессознательного, говоря о необходимости рассмотрения нескольких значений данного понятия. Необходимо различать, по Г., физически, гносеологически, психически и метафизически бессоз-

нательное. “Физически бессознательное” относится к сфере физиологической деятельности человека, “гносеологически бессознательное” рассматривается в плоскости познавательных способностей человека, “метафизически бессознательное” — это прерогатива “абсолютного сознания”. Кроме этого Г. различает “относительное” и “абсолютное” бессознательное. Философия бессознательного Г. оказала заметное влияние на дальнейшее изучение данной проблематики. К примеру, сравнительный анализ теоретических положений Г. и фрейдистских конструкций показывают, что в гартмановской философии содержатся многие элементы, позднее вошедшие в психоаналитическое учение Фрейда. Важным оказывается в данном случае то, что Г. выдвинул понятие “психически бессознательного”, которое стало основным концептом психоаналитического учения Фрейда. В этом отношении теоретические постулаты и утверждения Г. о бессознательном часто рассматриваются как один из важных философских истоков возникновения психоаналитических идей.

А.А. Легчилин, Т.В. Медведев

ГАССЕНДИ (Gassendi) Пьер (1592—1655) — французский философ и математик. В 1614 получил степень доктора теологии в Авиньонском университете, в 1616 — сан священника. Преподавал философию в г. Эксе (до 1622). С 1626 — каноник кафедрального собора в г. Дине. В 1645 приглашен профессором кафедры математики Королевского колледжа в Париже. Был дружен с Гоббсом и Кампанеллой, состоял в переписке с Галилеем. Основные произведения: “Парадоксальные упражнения против аристотеликов” (1624), “О жизни и нравах Эпикура” (1647), “Свод философии Эпикура” (1649), “Свод философии” (1658). Испытал влияние скептицизма. Выступал против Декарта, картезианства и господствовавшей в то время аристотелевско-схоластической картины мира. Извлек из забвения наследие античных материалистов и дал ему блестящую по эрудиции и глубине мысли интерпретацию, обновил эти учения современными ему достижениями науки и философии. Свою философскую систему Г. делил на три части: логику, физику и этику. Логика трактовал широко, как включающую в себя собственно логику, теорию познания и методологию. Понимал ее как науку о правилах, канонах, нормах, законах достоверного познания, необходимых для “врачевания духа” от “мрака невежества”. Г. последовательный сенсуалист, рассматривающий идеи как результат умственной переработки данных чувств. Отсюда его критика схоластики и рационализма. Однако Г. допускал, что идея Бога мыслится на основе врожденной склонности разумной души. В целом рассматривал логику как условие физики. Физика строится им как натурфилософия на основе атомистики Эпикура. Все состоит из атомов, движение атомов задается силой, которой их наделил Бог. Наряду с атомами существует пустое пространство, без которого невозможно движение. Все тела — результат комбинаций атомов. Животные и человек суть тела, но они обладают чувственной душой как принципом движения организма. Чувственная душа материальна, состоит из атомов и умирает со смертью тела. Человек же наделен еще и разумной душой, созданной Богом, не материальной и бессмертной. Физика — центральное звено в концепции Г., но сам он